

УДК 325(571.54)

Пригороды Улан-Удэ в миграционных процессах постсоветской Бурятии: трансформация поселений и местных сообществ^{*}

А. С. Бреславский

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ

В статье рассматривается роль постсоветских миграционных процессов в трансформации пригородных поселений Улан-Удэ. Автор фокусирует внимание на анализе количественных и качественных изменений в структуре местных сообществ, а также на проблеме взаимодействия мигрантов и муниципальной власти.

Ключевые слова: миграционные процессы, пригороды, Улан-Удэ, местные сообщества.

В современных академических дискуссиях, касающихся различий в исследуемой реальности западноевропейских городов и городов бывшего СССР, одним из наиболее значимых факторов признается характер миграций [5, с. 76]. Если на западноевропейские города, начиная с послевоенного времени, существенное влияние стали оказывать миграции из «стран третьего мира», то в случае с постсоветскими городами более значимой оказалась внутренняя миграция. Случай постсоветского Улан-Удэ – столицы Бурятии – в этом смысле достаточно показателен. И это объяснимо, поскольку город в последние двадцать лет стал главным центром притяжения внутрисубъектных сельских мигрантов [1, с. 132–155; 2, с. 4; 12; 13, с. 163–184]. Сельчане продолжают прибывать в столицу, приобретая, арендуя жилье, а иногда и незаконно захватывая земли в различных частях города [3, с. 129–154].

Вместе с тем сегодня достаточно значительная сама по себе территория Улан-Удэ [14], как оказывается, уже не может обеспечить потребности новых переселенцев в доступном жилье и земле. В этих условиях – недостатка городской земли, а также ее высокой стоимости – мигранты все чаще обращают свое внимание на пригороды Улан-Удэ. И здесь самое время отметить второе важное обстоятельство, отличающее Улан-Удэ (постсоветские города) от западноевропейских и американских городов. Он никогда не имел ни предместий, ни маленьких городков, окружающих его в качестве пригородов. В советские годы эту роль играли спальные и заводские районы, а также значи-

---

^{*} Статья выполнена в рамках проекта «Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI вв.» Иркутского госуниверситета в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. по лоту «Проведение научных исследований коллективами научно-образовательных центров в области гуманитарных наук», шифр 2010-1.1-300-151.

тельные по площади зоны индивидуальной застройки. Вместе с тем сегодня, выехав за пределы городского округа, уже в непосредственной близости от него, можно встретить поселения, которые сами местные жители и административная власть называют «пригородом». Что представляют собой эти поселения и населяющие их сообщества? Каким образом Улан-Удэ, являющийся главным центром притяжения внутриреспубликанских мигрантов, видоизменил жизнь рассматриваемых пригородных сообществ и сами эти поселения за последние двадцать лет? Предварительный ответ на поставленные вопросы может быть представлен в виде следующей исследовательской гипотезы: пригородные поселения Улан-Удэ до начала 1990-х гг. являлись «пригородом» исключительно географически (располагаясь на физических границах городского округа); начиная с 1990-х гг., а особенно в 2000-е гг., ситуацию меняет рост миграционной привлекательности этих территорий, в результате которого произошло существенное обновление местных сообществ, а также начала выстраиваться их социальная (связанная, прежде всего, с профессиональной занятостью) ориентация на город, что позволяет говорить о рассматриваемых поселениях как о «пригородных» уже не только в географическом, но и в социально-экономическом смысле.

Такого рода формулировка гипотезы подталкивает нас к постановке новых вопросов: становятся ли пригородные сообщества Улан-Удэ «городскими» (по образу жизни, деятельности, идентичности)? Происходит ли урбанизация пригородной жизни (на уровне практик, дискурсов)? Меняются ли внешний облик, инфраструктура пригорода? Чтобы ответить на поставленные вопросы, далее мы последовательно рассмотрим, во-первых, особенности и общие черты интересующих нас пригородных поселений, во-вторых, процессы их визуальной трансформации, изменения в структуре местных сообществ, связанные с воздействием миграционных процессов и, наконец, в заключение обратим внимание на отношение административной власти к «новым» мигрантам и ситуации, которую они формируют в пригородах.

Пригородные территории Улан-Удэ составляют исключительно сельские поселения. Столицу республики окружают четыре сельских района: Заиграевский, Иволгинский, Тарбагатайский и Прибайкальский. Данное исследование основывается на четырех кейсах – обследованиях, организованных автором в течение апреля-мая 2011 г. в селе Нижний Саянтуй (Вахмистрово) [6] Тарбагатайского района республики, селах Нурселение, Сужа [11] Иволгинского района и селе Эрхирик [10] Заиграевского района. Дальнейшие выводы опираются на материалы серии фокусированных неформализованных интервью и возможности включенного наблюдения автора. В качестве информантов (всего 12 человек) выступили жители обозначенных сел. В исследовании были также использованы статистические и аналитические материалы администраций местных муниципальных образований, взятые с их официальных сайтов [7–9].

Рассматриваемые села вплоть до последнего времени было сложно сопоставить с пригородами западноевропейских городов по многим критериям – количеству населения, уровню инфраструктуры, идентичности местных жи-

телей, образу их жизни. Каждый из рассматриваемых кейсов – Нижний Саянтуй, Сужа, Нурселение, Эрхирик – до середины 1990-х гг. представлял собой достаточно типичное слабоурбанизированное сельское поселение (в советские годы – организованное вокруг колхоза/совхоза), жители которого вели сельский же образ жизни с характерными для него сферами деятельности (животноводство, приусадебное хозяйство и пр.); преобладающей была и «сельская» идентичность. Вместе с тем с начала 2000-х гг., а в особенности с их середины, ситуация начала меняться: рассматриваемые села, в советские и в 1990-е гг. считавшиеся пригородом во многом номинально, сугубо географически, в связи с удорожанием городского жилья, земель и отсутствием свободных территорий внутри городского округа стали приобретать все больший интерес у потенциальных переселенцев. Географическая близость к городу, долгое время остававшаяся неактуализированным ресурсом, приобрела высокое символическое значение. Произошедшие изменения за последние двадцать лет выразились, как представляется, в двух значимых тенденциях. С одной стороны, в связи с высокой миграционной привлекательностью этих территорий – увеличением потока мигрантов – трансформировалась структура местных сообществ, видоизменился облик рассматриваемых поселений. Мигранты начали воспроизводить здесь пригородный образ жизни, связанный с маятниковыми перемещениями «пригород–город–пригород». С другой стороны, еще с начала 1990-х гг. ориентация «на город» стала определять трудовые и прочие практики самого местного населения, что повлияло и на их идентичность.

Первая тенденция, о которой мы сказали, связана с увеличением потока мигрантов в рассматриваемые пригородные села. Возвращаясь к сформулированной выше гипотезе, отметим, что именно миграционная привлекательность этих территорий, на наш взгляд, способна обеспечить их «превращение» в «пригород». Рассмотрим этот тезис подробнее. Стоит начать, пожалуй, с ответа на вопрос: что мы знаем о мигрантах в пригородах постсоветского Улан-Удэ? Кто они? Каковы их миграционные мотивы, ожидания, стратегии расселения и адаптации? Опираясь на материалы собственного обследования, мы можем выделить в структуре мигрантов, поселившихся в рассматриваемых поселениях с начала 1990-х гг., две наиболее значительные группы: сельских жителей Бурятии, переехавших «поближе к городу», и собственно городских жителей, которые предпочли квартире (дому) с городской регистрацией жилье в сельском пригороде. Стоит отметить сразу, что среди жителей рассматриваемых пригородных сел на момент обследования не было иностранных мигрантов, и практически отсутствовали переселенцы из других субъектов России (на этот счет нет статистики – опираемся на данные интервью и материалы включенного наблюдения).

Для сельских жителей переезд в Улан-Удэ и его пригороды за последние двадцать лет стал достаточно распространенной практикой. Улан-Удэ, будучи в повседневном измерении «единственным городом республики», обладает в этом смысле наибольшей миграционной притягательностью по отношению к малоперспективной сельской Бурятии. Сельчане-мигранты рассматри-

вают «город» как место, где сконцентрированы позитивные полюса общественной жизни всей республики: развитый рынок труда, учреждения высшего образования, сферы культуры и досуга, благоприятная социальная и инфраструктурная среда и пр. При этом представление об Улан-Удэ в среде сельских жителей, на наш взгляд, было и в целом остается отстраненным, внешним, интуитивным, слабо отражающим реалии постсоветских изменений. Это особенно характерно для жителей отдаленных от столицы республики сельских районов и для первого постсоветского десятилетия в целом. Знание о городе у сельчан подчас предельно локализовано, что выражается, к примеру, в ограниченности списка знакомых людей и мест. Поэтому часть из них предпочитают городу сельский пригород, который выглядит «более безопасным и более близким». По пути в «город» часть сельчан встречает также и непреодолимые барьеры, вынуждающие их «остановиться» в пригородах. Главным образом это финансовые трудности, связанные с отсутствием у многих переселенцев достаточных средств для покупки участка городской земли, недвижимости или ее аренды.

Вторая наиболее значительная группа мигрантов в пригородах – переселенцы из города. Отметим, что в целом переезд жителей Улан-Удэ в сельские поселения республики – количественно менее выраженная практика по сравнению с миграцией сельчан в город. Представляется вполне очевидным, что число горожан, поменявших квартиру на дом в деревне, в изучаемый период было значительно меньше тех, кто пытался, продав сельский дом, купить жилье в черте города. Вместе с тем постоянно увеличивающаяся плата за коммунальные услуги, желание жить в более благоприятных экологических условиях, «на земле», иметь большую жилую площадь ежегодно подталкивает часть горожан к переезду за пределы Улан-Удэ, по возможности в близлежащие села и поселки, в том числе не входящие в состав городского округа. Часть из них имеет возможность обеспечить на новом месте комфортные условия для жизни, сопоставимые с «городскими», другим (не очевидно, кого здесь больше) – не получается выйти за рамки «сельского минимализма». Так или иначе, к настоящему моменту нельзя сказать, что пригороды Улан-Удэ стали местом массового прибытия финансово успешных улан-удэнцев.

Вместе с тем в разрезе четырех рассматриваемых нами кейсов проявились и некоторые особенности в структуре мигрантов, в их количестве и в их количественном соотношении с местным населением. Так, в селе Нижний Саянтуй (Вахмистрово) – одном из наиболее удобных с точки зрения транспортной доступности – количество мигрантов с каждым годом (по общей для всех четырех кейсов тенденции) лишь возрастает. При этом здесь можно встретить не только жителей из более отдаленных поселений района, но и значительное количество горожан, а также переселенцев из всех сельских районов Бурятии. При все увеличивающемся потоке мигрантов их количество в селе все же еще не соотносимо с числом местных жителей. Схожая ситуация имеет место в с. Эрхирик Заиграевского района. Однако здесь и самих мигрантов ежегодно, как оказалось, прибывает меньше. Переезжают в основном горожане, в значительно меньшей степени – жители других районов рес-

публики (возможно, это можно связать с тем, что граница с городом находится в северо-западной его части, наиболее отдаленной от городского центра).

В селах Сужа и Нурселение Иволгинского района, которые расположены друг напротив друга, наблюдается обратная ситуация. Здесь количество мигрантов постсоветской волны на момент исследования оказалось вполне сопоставимо с числом местных жителей. Это особенно показательно в случае с селом Нурселение, население которого за последние двадцать лет увеличилось кратно. При этом основную долю мигрантов здесь составляют сельчане – как «местные» (из Иволгинского района), так и из других районов республики.

Рассматриваемые нами села, как мы отмечали, объединяет советское колхозное/совхозное прошлое. В этом смысле важно отметить, что все они на момент обследования представляли собой территории с отчетливо видимыми зонами «старой» и «новой» застройки – советского и постсоветского периода. При этом количественное (визуальное) соотношение старых и новых построек, а также «коренных» и «новых» жителей в этих селах существенно отличалось. Так, в с. Нижний Саянтуй, Эрхирик, Сужа, как показало исследование, преобладают зоны старой застройки, новые улицы начали появляться лишь в последние годы (с 2007–2008 гг.) и в относительно незначительных масштабах (в среднем 30–50 домов). Обратная ситуация характерна для с. Нурселение, население и внешний облик которого претерпели существенные изменения в связи с массовыми миграциями.

С точки зрения формирующегося ландшафта застройки ситуация по всем поселениям в общем одинакова: большинство из жилищных новостроек (в том числе дворовые постройки) выполнены из дерева, сохраняют утилитарный «деревенский» стиль без архитектурных изысков. Вместе с тем новые дома, которые активно строят мигранты, в подавляющем большинстве случаев не имеют характер «временного жилья», построены основательно. В целом же, с визуальной точки зрения, пригороды Улан-Удэ на момент исследования сохранили вид достаточно типичных слабоурбанизированных сельских поселений современной Бурятии: здесь слабо развиты социально-бытовая инфраструктура, инфраструктура отдыха и развлечений, нет крупных супермаркетов, плохие дороги, жилищное строительство однообразно и утилитарно.

Воздействие постсоветских мигрантов на местные сообщества оказалось, пожалуй, не более значимым, чем их роль в трансформации архитектурного ландшафта. Здесь стоит говорить, на наш взгляд, в основном о количественных, но не качественных изменениях. Местные жители в своих интервью, конечно, отмечали, что они замечают новых жителей. Вместе с тем их отношение к приезжим «соседям» было и остается в целом относительно нейтральным – пристального внимания к их жизни они не проявляют. То же характерно, на наш взгляд, и для самих мигрантов. Вероятно, это можно связать также с тем, что мигранты (в основном сельчане и улан-удэнцы) не вызывают у «коренных» жителей какого-либо интереса, поскольку ведут достаточно типичный для местных поселений образ жизни, имеют сопоставимые доходы, в целом не конкурируют с местным населением на сельском рынке труда и т. п. Притом, что мигранты оказались в роли «гостей», в рассмат-

ваемых поселениях за прошедшие годы не возникли какие-либо значимые основания для консолидации «приезжих» против «местных» и наоборот. Не актуальны здесь, как представляется, и какие-то потенциально конфликтные групповые идентичности. В частности, усложнение национального состава во всех поселениях, бывших некогда в этнической срезе практически гомогенными, не привело к сколь-нибудь острым конфликтам. На это влияют традиционно высокий уровень культурной толерантности в Бурятии и пригородное положение поселений, подталкивающее местных жителей более лояльно относиться к приезжим.

Вопросы, связанные с активным заселением пригородных поселений Улан-Удэ, вплоть до последних лет не включались в республиканскую или городскую повестку дня, оставаясь «проблемами местного значения». Однако в 2010 г. в связи с публичным обсуждением и принятием новой Концепции территориального развития Улан-Удэ [4] на них обратили внимание. В новой Концепции было предложено три варианта развития Улан-Удэ, предполагавших расширение границ городского округа за счет пригородных территорий (в том числе поселений) Иволгинского, Заиграевского и Тарбагатайского районов. В намеченной перспективе с. Нижний Саянтуй, Нурселение, Сужа, Эрхирик могут войти в состав города. Вполне возможно, что это поспособствует развитию данных территорий, их качественному преобразению. Пока же подобная перспектива вызывает к жизни достаточно сдержанные, но оптимистические ожидания местного населения относительно инфраструктурного благополучия своих территорий. Так или иначе, решение о включении рассматриваемых пригородных поселений в состав Улан-Удэ лишь повысит уровень их миграционной привлекательности, а, значит, поток переселенцев в эти места, наверняка, увеличится. На это сетуют и местные власти, ведь в их взаимоотношении с мигрантами уже сегодня основным вопросом является проблема незаконного захвата земли и, соответственно, проблемы регистрации. Стоит отметить, что муниципальные власти в данном случае пока идут на уступки. Так, в Нижнеиволгинском (с. Сужа и Нурселение) и Дабатуйском (с. Эрхирик) сельском поселении земельные участки до конца 2013 г. решили оформлять по «упрощенной системе», освобождающей нарушителей закона и местных нормативно-правовых актов от административного наказания. Это позволяет многим переселенцам узаконить свои земельные участки, став законными собственниками занятых прежде земель.

Другой значимой проблемой, связанной с существенным прибытием в пригородные поселения новых жителей, стало увеличение нагрузки на социальные и коммунально-бытовые службы местных и без того финансово слабых сельских муниципалитетов (школы, детсады, полиция, водо- и электро-снабжение и пр.). Притом, что рассматриваемые нами поселения уже не один год считают «пригородом», а в ближайшем будущем их могут включить в городской округ, они по-прежнему не лишены многих хронических проблем с водо-, энергоснабжением и т. п. Лишь в последние годы были решены вопросы с общественным транспортом. Сохраняя привлекательность для тех, кто стремится жить недалеко от Улан-Удэ, пригородные поселения пока не обеспечивают местных жителей комфортными условиями, сопоставимыми с

теми, что существуют, например, в благоустроенных районах города. Во многом именно поэтому переезд в пригород для многих горожан, и чуть в меньшей степени для сельчан, до сих пор остается во многом вынужденной, а не привлекательной миграционной стратегией.

1. *Бреславский А. С.* Сельско-городская миграция в постсоветской Бурятии: практики расселения в Улан-Удэ // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX XX–XXI веков / науч. ред. В. И. Дятлов. – Иркутск : Оттиск, 2010. – С. 132–155.

2. *Будаева Ц. Б.* Миграция населения в зеркале общегосударственных перемен // Бурятия. – 2002. – 1 нояб. – С. 4.

3. *Карбаинов Н. И.* «Нахаловки Улан-Удэ»: ничейная земля, неправильные шаманы и право на город // Агинская street, танец с огнем и алюминиевые стрелы: присвоение культурных ландшафтов / В. Н. Давыдов [и др.]. – Хабаровск : Хабаров. науч. центр ДВО РАН, 2006. – С. 129–154.

4. Концепция территориального развития городского округа «Город Улан-Удэ» до 2025 г. с увеличением численности населения до 700 тыс. человек [Электронный ресурс]. – URL: www.ulan-ude-eg.ru/news/for_news/2010.11.19/D01.doc.

5. *Космарская Н. П.* Исследования города // Антропологический форум. – СПб. : МАЭ РАН. – 2010. – № 12. – С. 76.

6. Краткая справка о Тарбагатайском районе Республики Бурятия на 01.08.2009 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.tarbagatay.burnet.ru/official/101/>.

7. Официальный сайт Заиграевского района [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.admzgr.e-baikal.ru>.

8. Официальный сайт Иволгинского района [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ivolginsk.info>

9. Официальный сайт Тарбагатайского района [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.tarbagatay.burnet.ru>.

10. Перечень населенных пунктов муниципальных образований по Респуб-

1. *Breslavskiy A. S.* Rural-Urban Migration in the Post-Soviet Buryatia: Settlement Practices in Ulan-Ude // Migrations and Diasporas in Sociocultural, Political and Economic Area of Siberia. At the turns of the XIXth–XXth and the XXth–XXIst C. / ed. by V. I. Dyatlov. – Irkutsk: Print, 2010. – P. 132–155.

2. *Budayeva C. B.* Migration of population throughout the national changes // the «Buryatia». – 2002. – November, 1. – P. 4.

3. *Karbainov N. I.* “Nahalovka” of Ulan-Ude: no man's land, Wrong Shamans and the Right to a City // Aginskaya Street, Fire Dance and Aluminum Arrows: Appropriation of Cultural Landscapes / V. N. Davidov [and others]. – Khabarovsk : Khabarovsk scientific center of FED of the Russian Academy of Sciences, 2006. – P. 129–154.

4. The Concept of Territorial Development of City District «Ulan-Ude City» up to 2025 with Increasing Population to 700 Thousand Persons [On-line resource]. – URL: www.ulan-ude-eg.ru/news/for_news/2010.11.19/D01.doc.

5. *Kosmarskaya N. P.* Urban Studies // Anthropological forum. – SPb. : MAE of the Russian Academy of Sciences. – 2010. – N 12. – P. 76.

6. Brief information on the Tarbagataiskiy District of Buryat Republic on 8.1.2009 [On-line resource]. – URL: <http://www.tarbagatay.burnet.ru/official/101/>.

7. Official Site of the Zaigraevskiy District [On-line resource]. – URL: <http://www.admzgr.e-baikal.ru>.

8. Official Site of the Ivolguinskiy District [On-line resource]. – URL: <http://www.ivolginsk.info>.

9. Official Site of the Tarbagataiskiy District [On-line resource]. – URL: <http://www.tarbagatay.burnet.ru>.

10. The List of Settlements of Municipal Districts of Buryat Republic [On-

лике Бурятия [Электронный ресурс]. – URL: http://www.minpriroda-rb.ru/content/nas_punkt.php?SECTION_ID=571.

11. Программа социально-экономического развития сельского поселения «Нижнеиволгинское» на 2008–2010 гг. и на период до 2017 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ivolginsk.info/poseleniya/nizhneivolginskoe.html>.

12. Рандалов Ю. Б. Миграционные настроения сельских жителей: действующие факторы и тенденции (по материалам социологического исследования в Республике Бурятия) / Ю. Б. Рандалов [и др.]. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. – 165 с.

13. Содномпилова М. М. Сельско-городская миграция в Бурятии: формирование транслокального пространства // Город и село в постсоветской Бурятии: социально-антропологические очерки. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – С. 163–184.

14. Стратегия социально-экономического развития города Улан-Удэ до 2027 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ulan-ude-eg.ru/tomorrow/razvit/>.

line resource]. – URL: http://www.minpriroda-rb.ru/content/nas_punkt.php?SECTION_ID=571.

11. The Program of Social and Economic Development of Rural Settlement «Nizhneivolguinskoye» for 2008–2010s and for the Period up to 2017 [On-line resource]. – URL: <http://www.ivolginsk.info/poseleniya/nizhneivolginskoe.html>.

12. Randalov Y. B. The Rural Inhabitant's Desires to Migrate: Current Factors and Tendencies (based on Materials of Sociological Research in Buryat Republic) / Y. B. Randalov [and others]. – Ulan-Ude : BSC of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, 2005. – 165 p.

13. Sodnompilova M. M. Rural-Urban Migration in Buryatia: Formation of the Translocal Area // City and Village in the Post-Soviet Buryatia: Socio-anthropological Essays. – Ulan-Ude : BSC of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, 2009. – P. 163–184.

14. The Strategy of Social and Economic Development of Ulan-Ude City up to 2027 [On-line resource]. – URL: <http://www.ulan-ude-eg.ru/tomorrow/razvit/>.

Suburbs of Ulan-Ude and Migration Processes in the Post-Soviet Buryatia: the Transformation of Settlements and Local Communities

A. S. Breslavskiy

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan studies of the Siberian branch of the Russian Academy of science, Ulan-Ude

The article reveals the role of migration processes in transformation of suburban settlements in the post-soviet Ulan-Ude. The author focuses on analysis of quantitative and qualitative changes in the structure of local communities, as well as on a problem of interaction between migrants and municipal authority.

Key words: migration processes, suburban settlements, Ulan-Ude, local communities.

Бреславский Анатолий Сергеевич – аспирант Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, д. 6, тел. 8(3012)215792, e-mail: anabres05@mail.ru

Breslavskiy Anatoliy Sergeevich – Post-graduate student of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the SB of the RAS, 670047, Ulan-Ude, Sakhyanova St., 6, 8 (3012) 215792, e-mail: anabres05@mail.ru